

Главная служанка взглянула на белокожего и очаровательного одиннадцатого принца и не смогла сдержаться:

— Госпожа... Одиннадцатый принц уже достаточно упитан...

Цзян Синсю: «...» Хм? Что за сценарий? Разве она не ненавидит меня?

Драгоценная супруга Сюй обняла Цзян Синсю и села на пол, осторожно покачивая его на руках.

Главная служанка с беспокойством:

— Госпожа, сегодняшний ваш визит слишком рискованный. Если бы император узнал...

— С момента рождения моего сына я ни разу его не обнимала! — с гневом выругалась драгоценная супруга Сюй. — Что за глупости! Он хочет, чтобы его женщины поклонялись ему, чтобы их глаза и сердца принадлежали только ему. Если он хоть немного нахмурится, они должны забыть о своих родителях и даже о собственных детях! Пусть ему приснится такой сон! Пф! Его слова даже хуже, чем у этой мелкой супруги Шу!

Цзян Синсю: «...» Хм? Значит, он ошибался, и драгоценная супруга Сюй вовсе не была влюбленной дурочкой?

Драгоценная супруга Сюй:

— Ууу... Посмотри, одежда моего сына вся порвана!

Главная служанка попыталась успокоить хозяйку:

— Госпожа, по вашему приказу новую одежду стирали тридцать-пятьдесят раз, чтобы она стала мягкой. Кожа младенца нежная, ему так комфортнее.

Драгоценная супруга Сюй не утешилась:

— Ууу... Посмотри, колыбель моего сына старая!

Главная служанка:

— Госпожа... Это колыбель пятого принца. Вы сказали, что она безопасна, так как он её использовал.

Драгоценная супруга Сюй не слушала её и продолжала плакать:

— И ещё... эта кормилица, она посмела самовольно уйти! Какое наглое поведение!

Главная служанка спокойно напомнила:

— Госпожа. Это наш человек, она сейчас следит за обстановкой снаружи.

Драгоценная супруга Сюй вытерла слёзы:

— Мне всё равно! Мой сын страдает!

Цзян Синсю: «...» Его нынешняя мать — настоящий талант!

Драгоценная супруга Сюй держала Цзян Синсю на руках целых полчаса, не отпуская. Её выносливость дала Цзян Синсю понять, как она умудрялась время от времени отвлекать императора от утренних заседаний.

Главная служанка несколько раз уговаривала её, прежде чем драгоценная супруга Сюй наконец неохотно ушла, оглядываясь через каждые несколько шагов:

— Мой сын снова будет страдать, я как мать ни на что не годна...

Главная служанка:

— Госпожа, пятый принц приходит каждый день, он не даст одиннадцатому принцу по-настоящему страдать. Но сам пятый принц... если так будет продолжаться, не вызовет ли это недовольство императора?

— Ха... Ты не знаешь его характера. Он сам холодный и бесчувственный, но хочет, чтобы его дети были преданными и почтительными. Посмотрим, как он будет любить пятого принца!

Драгоценная супруга Сюй стиснула зубы:

— Когда пятый принц станет императором, я похороню его вместе с его отцом! А также его третьего брата, которого он отравил, и девятого, которого ослепил! Пусть они наслаждаются своей отцовской любовью и братской гармонией!

Так прошло три спокойных года.

В Великой Чу был обычай: ребёнка считали воспитанным только после трёх лет, а до этого ему не давали официального имени, чтобы не перегрузить его удачу.

Император, однако, заявил, что имя можно дать, но устраивать большой пир, как это было принято, не нужно. Достаточно скромного празднования в Линге. Его неприязнь была очевидна.

Пятый принц искренне любил своего младшего брата и хотел устроить для него праздник.

Но хотя император ценил в своём пятом сыне доброту, похожую на его собственную, он не хотел, чтобы тот его осрамил. Рано утром он отправил его из дворца под предлогом покупки новых игрушек для брата, но на самом деле приказал слугам развлечь пятого принца, чтобы тот забыл о времени.

Никто не праздновал день рождения Цзян Синсю.

Но животные пришли.

Служанка с удивлением подняла голову:

— Сколько бабочек!

В небе появилась стая разноцветных бабочек, кружащихся вокруг дворца.

Но сейчас... была зима!

Бабочки порхали у окна, а Сюэтуань пятого принца — та самая собака, которая когда-то укусила кормилицу, снова прибежала и врезалась в приоткрытое окно. Однако стая бабочек не

залетела внутрь, словно обладая разумом, они оставались снаружи, не нарушая границ.

Цзян Синсю через окно наблюдал, как бабочки изящно танцевали в воздухе, создавая захватывающее зрелище.

Всё вокруг Линга было заполнено бабочками, что привлекало всеобщее внимание.

Снова знамение?

Император отложил кисть, прищурившись, в его взгляде промелькнула опасная подозрительность.

В Линге главная служанка торопилась:

— Госпожа! Наши соглядатаи сообщают, что через полчаса императорский паланкин будет здесь!

Драгоценная супруга Сюй резко встала, опрокинув стул.

Шутка ли! Её сын устроил такой переполох, и драгоценная супруга Сюй не верила, что император пришёл, чтобы посмеяться и восхищённо воскликнуть: «Вот это настоящий сын Цзяна, цилинь!»

— Мёд! Принесите мёд!

Служанка поспешно принесла мёд, и драгоценная супруга Сюй с размахом вылила его на себя.

— Шёлковая одежда! Моя шёлковая одежда!

— Госпожа! Старую выбросили, новая ещё не готова!

Драгоценная супруга Сюй оглядела зал, бросилась к окну и сорвала занавеску, обернув её вокруг себя.

— И мой барабан!

— Госпожа, вы уже много лет не танцевали на барабанах, он хранится в кладовой, мы не успеем его достать!

Драгоценная супруга Сюй выбежала из дворца, огляделась и остановилась на углу:

— Тот чан! Достаньте оттуда лотосы и переверните его!

Когда император прибыл в Линг, он увидел красавицу, закутанную в лёгкую шёлковую ткань, с грациозной осанкой.

Красавица бросила на него игривый взгляд и начала танцевать на «барабанах». Холодный ветер смешивался с её ароматом, а бабочки кружились вокруг, создавая соблазнительную картину.

Конечно, если бы император пришёл чуть раньше, он увидел бы, как красавица дрожала от холода, пытаясь взобраться на чан.

Император подошёл и на руках поднял драгоценную супругу Сюй, ощущая её сладкий аромат, который почти одурманил его:

— Любимая, ты такая...

Он пощекотал её нос:

— Шалунья! Заманивать меня бабочками — это одно, но выбрать для этого такой день! Я испугался, что это связано с одиннадцатым принцем...

Драгоценная супруга Сюй нежно прижалась к его груди, прошептав соблазнительно:

— Ваше величество...

Сердце императора растаяло. Да, его любимая всегда следовала его воле. Он не любил одиннадцатого принца, и, вероятно, теперь она даже не помнит его день рождения!

Драгоценная супруга Сюй мысленно возразила: «Глупости! Попробуй сам родить ребёнка и забудь, в какой день это произошло!»

Император понёс её во дворец, забыв о бабочках.

Слуги поспешно вернули чан на место, наполнили его водой и положили обратно лотосы, с сожалением глядя на увядшие цветы:

— Интересно, выживут ли они.

Раздев драгоценную супругу Сюй, император был охвачен страстью, но вдруг вспомнил:

— Любимая, твой барабан... он показался мне знакомым, но я не могу вспомнить... Где я его видел?

Драгоценная супруга Сюй приложила палец к его губам, её взгляд был полон нежности и обиды:

— Ваше величество, зачем говорить о барабанах? Разве я не прекрасна?

Император:

— Прекрасна!!!

Барабан? Какой барабан? Не помню.

Драгоценная супруга Сюй потянула императора за пояс, откинувшись назад.

Сын мой! На этом моя помощь заканчивается! Будь осторожен, не устраивай больше чудес!

Цзян Синсю мог поклясться, что он действительно сдерживался.

Перед ним была гладкая белая змея, величественный гусь, ленивый кот и мягкий чёрный кролик...

В это время года все существа, которые должны и не должны быть здесь, склонились перед Цзян Синсю, приветствуя —

Владыку Цзывэй, правителя Неба и Земли, сошедшего в мир смертных.

*

Пятый принц радостно покинул дворец, но заметил нечто странное: ветви деревьев за пределами дворца все склонились в сторону дворца и опустились вниз.

Его двоюродный брат с удивлением сказал ему:

— Не знаю, что произошло, но с ночи все растения в столице начали склоняться перед дворцом. Говорят, чиновники уже доложили императору, что это знак небесного благословения Великой Чу, и что император — мудрый правитель, удостоенный такого знамения.

Пятый принц наклонил голову, подумал и с уверенностью сказал:

— Император, конечно, должен быть почтён всем миром.

Хотя раньше такого не было, но если это произошло во время правления нынешнего императора, то, несомненно, это знак одобрения его правления.

Двоюродный брат, однако, не совсем согласился с пятым принцем: даже если это не знак небесного одобрения императора, теперь оно должно быть таким.

Пятый принц и его двоюродный брат бродили по столице, рассматривая всё, что попадалось на глаза, но ничего не покупали.

<http://bllate.org/book/16223/1457294>